

ТЕРЕЗА
РОМЕЙН

*Исполнение
желаний*

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P70

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Theresa Romain
SEASON FOR SURRENDER

Перевод с английского *Я.Е. Царьковой*
Компьютерный дизайн *С.П. Озеровой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Ромейн, Тереза.

P70 **Исполнение желаний: роман / Тереза Ромейн;**
[пер. с англ. Я. Е. Царьковой]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2016. — 352 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-094831-4

Александр Эджуэйр, граф Хавьер, — лондонский великосвет-
ский кутила и мот, знаменитый своими дикими выходками. Одна-
ко пригласить безупречную старую деву Луизу Оливер на одно из
своих празднеств, посещаемых только отъявленными повесами и
их подругами-куртизанками, — пожалуй, слишком даже для него.
Но, к изумлению графа, Луиза не только принимает предложение,
а буквально на глазах превращается из безнадежно скучного «сине-
го чулка» в прелестную, дерзкую и остроумную соблазнительницу,
ведущую с заинтригованным Хавьером весьма рискованную игру...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Theresa St. Romain, 2012
© Перевод. Я.Е. Царькова, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-094831-4

ГЛАВА ПЕРВАЯ **включающая ряд досадных** **недоразумений**

*1 декабря 1818 года,
Лондон*

Тот, кто не желает довольствоваться ролью статиста в приличном обществе, должен смириться с тем, что приличное общество ни на день не оставит его в покое. Таковы правила игры. И Александр Эджуэйр, девятый граф Хавьер, уже не первый год исправно следовал неписаным правилам, тем самым обеспечив себе почетное место «первой скрипки» в лондонском высшем свете.

Однако сегодня «первую скрипку» ему всерьез мешала играть сильная простуда, изрядно портившая имидж беспечного повесы, который Хавьер так старательно культивировал. Досадное недоразумение!

Утро он встретил резью в глазах и головной болью, а утро, в свою очередь, встретило его хмурой серой морсью — обычное дело для начала зимы. Ему отлежаться бы в постели, но Хавьер привычно отправился в «Уайтс», клуб для джентльменов, сделав себе лишь одно послабление: не стал подниматься на второй этаж, где гуляли сквозняки, а устроился в кофейне на первом этаже, выбрав себе кресло перед камином. После первого глотка бренди Хавьер почувствовал, что жизнь налаживается. Обстановка кофейни немало способствовала тому, чтобы джентльмен чувствовал себя здесь как в раю: темное дерево обшивки стен, дорогие пушистые ковры, услужливые лакеи и щедрое тепло каминов.

Ах, да! Еще здесь, в «Уайтс», имелся знаменитый на весь Лондон журнал ставок. Иногда Хавьеру казалось, что вся его жизнь вращается вокруг этого толстого фолианта в мягком кожаном переплете. Граф не досадовал по этому поводу: такова жизнь. Что поделать, если этот потрепанный том был центром вселенной, имя которой лондонский высший свет.

Хавьер раскрыл газету и, взяв лорнет, принялся изучать колонку светской хроники. Новости по большей части касались смерти королевы. Траур не смог помешать многочисленным потомкам покойной продолжать междоусобную грызню. Хавьер не испытывал огорчений по поводу того, что Господь не наградил (или не обременил?) его братьями и сестрами.

Хавьера мало интересовали слухи такого рода, он искал нечто более пикантное. И нашел. «Некая леди Ш. недавно была обнаружена в неглиже в компании двух лакеев и горничной». Граф с легкостью угадал, что речь идет о виконтессе Шелтон. Жизнелюбию этой приятной во всех отношениях дамы можно позавидовать.

А, вот еще одна узнаваемая личность!

«Лорд Л. недавно расстался со своей пассией при весьма загадочных обстоятельствах. Незадачливая любовница, как видно, не смогла доставить господину требуемое удовольствие... или не сумела причинить боль?»

— Разумеется, боль тут ни при чем, — раздался голос за спиной графа. Маркиз Локвуд, дальний родственник Хавьера, только что обнаруживший свою осведомленность, со вздохом опустился в соседнее кресло. — От этих любовниц сплошные неприятности, — добавил маркиз.

Хавьер свернул газету, обратив взгляд на соседа. У них обоих были темные волосы и довольно смуглая кожа оливкового оттенка; причина тому — общий предок, итальянец по происхождению. Однако цветом глаз они отличались от предка, да и друг от друга тоже. У Локвуда глаза были светло-голубыми, тогда как у Хавьера темно-серыми.

И улыбался Локвуд по-другому. В арсенале Хавьера не было и не могло быть такой улыбки. Хавьер считал ниже своего достоинства настолько откровенно демонстрировать самодовольство.

— А с виду и не скажешь, что у тебя неприятности, — заметил граф.

— Неприятно читать про себя всякую чушь, — снисходительно, в своей излюбленной барственной манере, заметил маркиз.

— Сочувствую. Впрочем, Локвуд, все не так уж плохо. Лорд Лоубрау тоже недавно расстался с любовницей, так что все подумают, что речь идет о нем, а не о тебе.

Самодовольная ухмылка сползла с лица Локвуда. Насупившись, он жестом подозвал лакея.

— Кофе. С сахаром. — Бросив взгляд на рюмку Хавьера, добавил: — И бренди. — Маркиз откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу. — Отказавшись от ее услуг, я только выиграл. Мужчине, знающему себе цену, ни к чему платить за то, что он может получить даром, верно?

— Смотря, какие у этого мужчины вкусы, — ответил Хавьер. — Я всегда считал, что Мелисандра стоит тех денег, что ей платят. Она красива, элегантна и умеет вести себя в обществе, чего не скажешь о ее мопсе. Во время новогодней вечеринки, которую я устраивал у себя в прошлом году, этот зверь изгадил все ковры в восточном крыле дома.

Локвуд приподнял брови.

— Фу, какая гадость. Хотя это вполне могла сделать хозяйка, а не ее пес. Она далеко не так хорошо воспитана, как ты думаешь. Поверь мне, она у меня уже в печенках сидит.

Маркиз глотнул принесенный лакеем кофе и одним махом осушил рюмку с бренди.

— Кофе и бренди — как раз то, что надо в такой беспросветный день, как сегодня. — Поставив чашку на круг-

лый вращающийся столик возле кресла, он поднял глаза на Хавьера. — Эй, кузен, вид у тебя хуже некуда. Поздно лег?

С некоторым запозданием до Хавьера дошло, что воспаленные глаза могут быть симптомом как простуды, так и похмелья. Локвуд бросил ему спасательный круг, и Хавьер с радостью за него уцепился. Придав лицу соответствующее выражение, он с таинственным видом сообщил:

— Это не моя тайна. Я не могу ничего тебе рассказать.

— И не надо, — с готовностью согласился маркиз. — За тебя все расскажут газеты. Просто скажи, куда ты подевался вчера вечером? Мы все тебя потеряли.

Что удивительного в том, что человек решил провести вечер дома? Разве что его друзьям такое не могло прийти в голову. Вчера Хавьер лег в постель еще до полуночи. Кто бы мог подумать, что его свалит с ног обычная простуда?

— Я не был там, где бываю обычно, — с заговорщической улыбкой сообщил граф. — Занимался сугубо личными делами.

Действительно, сугубо личными. Необычный тет-а-тет: Хавьер и порошок от головной боли.

Локвуд шлепнул себя по колену, при этом задев хлипкий столик. Кофейная чашка задребезжала на блюде.

— Личные дела, говоришь? Так кто же она?

Хавьер усмехнулся. Он знал, как неотразимо действует на женщин эта усмешка, этот быстрый взгляд, эти озорные искры, обещающие отнюдь не невинные шалости. Знал и беззастенчиво этим пользовался.

— Что заставляет тебя думать, что речь идет о женщине? Возможно, я всего лишь остался дома и лег пораньше в постель, взяв к себе в компаньонки хорошую книгу.

Локвуд присвистнул в ответ.

— Если ты докажешь, что за последние лет десять читал что-то кроме светской хроники, я съем твой сапог.

— Не советую покушаться на мой сапог, а то ведь он может и ответить, и тогда уже не поздоровится твоей заднице.

Локвуд рассмеялся — вполне ожидаемо. Хавьер не выходил за рамки привычного амплуа. Выручал проверенный годами рецепт: немного перца и соленое словцо сделают съедобным все, что угодно. Маркиз проглотит и не морщится. И не только он.

Но чтение на ночь несомненно ломало рамки привычного. И посему Хавьер скромно промолчал о том, что перед сном он немного почитал Данте. Он предпочитал не распространяться о своих способностях к языкам и любви к поэзии, дабы не разочаровывать знакомых.

Хавьер вытянул ноги к огню, чтобы тепло пробралось внутрь сквозь толстую подошву сапог, и решил сменить тему:

— Скоро Рождество, и я, как обычно, устраиваю в Клифтон-Холле двухнедельный праздничный марафон. Надо бы придумать, чем его украсить. На что поспорим в этот раз?

Добрая половина записей в знаменитом клубном журнале касалась ставок, заключенных между Хавьером и Локвудом, причем последняя была сделана всего два дня назад. Тогда они поставили две бутылки арманьяка на то, кто из них быстрее опустошит свою бутылку.

Хавьер вышел победителем. А как же иначе? Граф всегда выигрывал пари. Нельзя ломать рамки амплуа. И когда он удалился в уборную, чтобы извергнуть из себя выпитое, никто ничего не заметил, поскольку удалился он под благовидным предлогом: пообещал принести из винного погреба еще выпивки. Граф вернулся с бутылкой превосходного бренди, которому секунданты тут же отдали должное.

Хочешь задавать тон в обществе — не жалея денег на выпивку. Таков закон.

— Я тут подумал, — сказал Хавьер, — не поспорить ли нам на эту оперную певичку. Как ее зовут? Синьора Фриттарелли?

— Или Фриворелли? — с ухмылкой предположил Локвуд.

Хавьер выразительно приподнял бровь.

— Я мог бы предложить хоть с десятков вариаций на итальянскую тему, хоть Фелисити, хоть Фелиция, хоть Фелляция, но зовут ее синьора Фриттарелли, и сегодня вечером она поет в музыкальном салоне леди Аллингем.

— Я слышал, она дама приятная во всех отношениях. Надо бы на нее взглянуть. Ты со мной?

Хавьера пробил озноб.

— Разумеется, нет. Не вижу резона терзать свои уши ради того, чтобы взглянуть на синьору. — И действительно, голова у графа раскалывалась и так, без музыки в переполненном душном салоне. По состоянию здоровья сегодня ему был показан полный покой.

— Ладно, пожалею твои уши и схожу туда без тебя. Заодно оценю, так ли она хороша, как о ней говорят. — Локвуд поднес бренди к носу и вдохнул. — Знаешь, а мне действительно понравился тот сорт бренди, которым ты меня угощал пару дней назад. Гранд шампань, кажется? По сравнению с ним у арманьяка вкус как у конской мочи.

Хавьер покосился на свою рюмку, которая была пуста лишь наполовину.

— На каждый день и арманьяк сойдет, но сегодня у тебя есть повод для праздника. Так давай отметим твое освобождение от хозяйки шкодливого мопса. С меня гранд шампань.

— Спасибо, кузен. В следующий раз я угощаю.

Глаза у маркиза были красными, что наводило Хавьера на мысль о том, что освобождение от Мелисандры стало для Локвуда отнюдь не столь радостным событием, как он стремился представить.

Скорее всего, расставание было вызвано нехваткой у маркиза финансов, а не неспособностью любовницы доставить ему удовольствие. Хавьер и Локвуд росли вместе, и оба были последними носителями двух блестящих титулов. Однако если предки Хавьера за последние сто лет сумели удвоить богатство, то богатство Локвудов за это же время сократилось вдвое.

Как бы там ни было, расставание Локвуда с любовницей дало Хавьеру повод заплатить за бренди кузена. Заклучая пари, они никогда не делали крупных ставок. Суммы были чисто символическими. В противном случае, Локвуд давно разорился бы.

— Вернемся к пари, — сказал Хавьер. — Если не делать ставку на синьору, то, может, поставим на скаковых лошадей? У меня есть кобыла, которая бежит не хуже твоей Тарантеллы.

— Не то, — икнув, произнес Локвуд. — Я имею в виду пари, а не лошадь. Нет, лучше все же поставить на вечеринку, если она будет такой же буйной, как и все предыдущие.

— Принца я больше приглашать не стану, если ты об этом.

— Распутный принц-регент в прошлом году испортил едва ли не больше ковров, чем мопс Мелисандры.

— Да нет же, — словно отгоняя назойливую муху, отмахнулся Локвуд, — уговорить принца почтить своим присутствием твой дом труда не составит, а мы не ищем простых путей. — Он задумчиво повертел рюмку в руке, после чего решительно поставил ее на место. — Вот оно! Придумал. Я бьюсь об заклад, что тебе не удастся заманить на свою вечеринку девицу из приличного общества. Ставлю десять фунтов.

Хавьер никогда не уклонялся от пари, но это не значило, что он никогда не использовал ситуацию в свою пользу. Хавьер покачал головой.

— Я не стану подвергать риску репутацию незамужней леди, Локвуд. Лучше все же поставить на синьору или какую-нибудь другую даму полусвета.

— Но, согласишься, это слишком просто для тебя. К тому же юная леди сможет взять с собой компаньонку, так что все приличия будут соблюдены.

— Нет, так не пойдет, — упрямо возразил Хавьер, разглядывая мыски до блеска начищенных сапог. Только он один знал, каких усилий ему стоило сохранить этот первоизданный блеск, тщательно выбирая сухие островки на покрытом слякотью тротуаре.

Локвуд не сдавался.

— Твои вечеринки всегда были уютным гнездышком для райских птичек, которым некуда податься на Рождество. Все, что от тебя требуется, это слегка изменить атмосферу праздника, чтобы и воробушкам туда захотелось залететь. Омела в комнатах, пунш по вечерам как альтернатива напиткам покрепче. Если ты и вправду такой обаятельный, как тебя расписывают, тебе не составит труда убедить приличную даму стать гостьей в твоём доме.

Хавьер принял выражение лица номер три: снисходительный интерес.

— Ты переоцениваешь мое обаяние, Локвуд.

— Скромность — не самое главное достоинство мужчины, — парировал маркиз, изобразив собственную версию выражения номер три. — Обаяние ценится куда выше. Так докажи, что твои методы соблазнения действительно универсальны! Тем самым ты можешь снискать еще больше славы.

— Снискать себе славу, обесчестив юную леди? Нет, это не для меня.

— Но этого никто и не требует. Все, что от тебя нужно — это пригласить девицу к себе в дом и позаботиться о том, чтобы она пробыла в гостях две недели. Тогда ты выиграл пари. Больше никаких условий. Все очень прилично. — Локвуд глумливо подмигнул. — Если леди сама себя не скомпрометирует.

Хавьер ответил Локвуду такой же глумливой ухмылкой, но биться с ним об заклад не спешил. Он отдавал себе отчет в том, что приличной девушке не место на его ежегодной зимней попойке, длящейся добрых две недели. И Хавьер никогда не ставил на кон чужую репутацию — только свою.

Маркиз, видя колебания графа, презрительно надул губы.

— Если ты боишься, что тебе это не по зубам, ты всегда можешь сдаться. Я сделаю запись в журнале, и делу конец — забудем обо всем, что тут говорилось. — И он протянул Хавьеру руку. — Так что, ставлю десять фунтов? — с наигранно невинным выражением лица предложил Локвуд. Впрочем, хищный взгляд его выдавал.

Хавьер сжал кулаки.

Он не мог отказаться от участия в пари. Репутация не позволяла. Созданный им же самим образ лорда Хавьера, чьи «подвиги» были по большей части плодом воображения окружающих, требовал все новых и новых жертв. Лорд Хавьер никогда не отказывался от пари. И никогда не проигрывал.

— Не дожدهшься. Я не собираюсь дарить тебе десятку, — с самым непринужденным видом ответил он. — Можешь вписать любую даму на свое усмотрение.

Локвуд хищно ухмыльнулся. Подозвав слугу, он потребовал принести письменные принадлежности и пухлый, в старинном кожаном переплете журнал ставок.

Маркиз с преувеличенным тщанием вывел их с Хавьером имена, сумму ставки — десять фунтов, после чего отложил перо.

— Не пристало вписывать в журнал имя леди, но раз уж ты предоставил мне право выбора, то пусть это будет мисс Оливер.

Хавьера словно ударили под дых. Он не спешил поднять глаза, чтобы не выдать своего удивления.

Луиза Оливер. Проклятье!

Если в Лондоне найдется хоть одна юная леди, которая никогда не согласится стать гостьей в его доме, то это она и есть: «синий чулок», тихоня с необычайно настороженным взглядом. Граф знал, что эта мисс Оливер считала его, Хавьера, виновником скандала, который разразился в прошлом году из-за помолвки ее сестры.

Но теперь поздно отступать. И позволить себе проиграть Хавьер тоже не мог.

— Хорошо. Я ставлю на то, что мисс Оливер примет приглашение и останется на две недели.

— Превосходно. — Локвуд закрыл журнал и протянул его поджидавшему слуге. — Посмотрим, как ты будешь из кожи вон лезть, строя из себя святошу. Забавное нам всем предстоит зрелище.

— Всем, кроме меня, — пробормотал граф.

Темноглазая мисс Оливер стояла у него перед глазами — единственная женщина, которая ни во что его не ставила.

Она не была дурнушкой. Отнюдь нет. И, вдруг подумалось Хавьеру, возможно, Локвуд невольно оказал ему услугу, заставив взяться за решение столь непростой задачи. По крайней мере, в его жизни появился новый стимул.

И десять фунтов в качестве бонуса. Скромный подарок на Рождество самому себе.

— Прошу меня простить, Локвуд, — произнес граф, вставая с кресла, — но меня ждут дела. — Вот бы удивился маркиз, узнай он, какие именно дела ждали его кузена.

Как бы там ни было, простуда больше не казалась Хавьеру такой уж крупной неприятностью.

ГЛАВА ВТОРАЯ, включающая все необходимые ингредиенты блюда под названием **Скандал**

*Три недели спустя,
графство Сюррей*

— Заваривать чай — наука тонкая, но я не уверена в том, что истинная леди должна этим заниматься. Что уж говорить о каше или скандалах — это занятие для плебеев, моя девочка, — поучала племянницу леди Эстелла Ирвинг. Между тем, утомительное путешествие подходило к концу — экипаж графини уже свернул на подъездную дорогу перед главным домом усадьбы Клифтон-Холл. — Я не допускаю даже мысли о том, что меня могут заподозрить в пристрастии к столь вульгарным блюдам. Никому и в голову не придет, что я приехала сюда ради скандала.

Луиза Оливер улыбалась — но только про себя.

— Никто бы не осмелился заподозрить вас в этом, тетя.

— Впрочем, — уже без надрыва в голосе продолжила леди Ирвинг, — в этом году праздник в Клифтон-Холле ничего особенно скандального не предвещает. В отличие от предыдущих. Я видела список гостей. Граф его основательно подчистил.

— И это вас огорчает?

— Это приводит меня в восторг, дитя мое. — Леди Ирвинг ущипнула Луизу за щеку. — Если бы список гостей остался прошлогодним, я не смогла бы взять тебя с собой. А если Хавьер убрал бы еще кое-кого из списка, то приезжать не было бы никакого смысла — скучать можно и дома.

Страстная натура графини требовала драмы, и даже недавний семейный скандал не смог ее остудить. Она с радостью ухватилась за возможность сопровождать Луизу на праздник в доме Хавьера в расчете на интригующие повороты сюжета, и сейчас ее сердце сладко замирало от предвкушения занимательного спектакля.

Впервые за много лет леди Ирвинг путешествовала без своей горничной французенки, милостиво отпущенной на неделю по случаю замужества. Луиза с самого начала настроила себя на то, что, лишенная привычного комфорта, тетушка, никогда терпением не отличавшаяся, станет доносить ее придирками и изводить перепадами настроения. Но, если отбросить в сторону капризы и причуды, леди Ирвинг оказалась совсем не плохой компаньонкой. По крайней мере, с ней было не скучно.

Между тем графиня с несколько запоздалой озабоченностью поинтересовалась у Луизы, не расстроена ли ее племянница тем, что Рождество придется провести вне семейного круга.

— Нет, нет и нет. Нисколько. Ни капельки, — заверила ее Луиза.

— Меня это не удивляет, — с сарказмом заметила графиня.

Последние несколько месяцев «семейный круг» Луизы ограничивался сводной сестрой Джулией и мужем Джулии Джеймсом, в загородном доме которого жили все трое. Джулия и Джеймс были неизменно добры к Луизе, старались опекать, ограждать от возможных неприятностей и потому не советовали ей принимать неожиданное приглашение графа. Несмотря на то, что Хавьер и Джеймс много лет считались друзьями, Хавьер не постеснялся сообщить шокирующую новость о начавшемся между Джеймсом и Джулией романе самой грязной из бульварных газетенок Лондона. Разразился грандиозный скандал, в результате которого и Джулия и Джеймс оказались за бортом лондонского высшего общества. Не помогло и то, что их скандальный роман благополучно закончился браком. Впрочем, изгнание из общества не слишком огорчило влюбленных. Удалившись из Лондона, молодожены наслаждались деревенским покоем и свежим воздухом, что было особенно полезно Джулии, которая ждала первенца.

Луиза все это время занималась составлением каталога для их библиотеки, а заодно составила «библиографическое» описание себя самой. Чем она хуже книги? Нельзя сказать, что ее порадовало то, что получилось: «Луиза Катрин Оливер, двадцати одного года от роду. Старая дева. Высокая. Темные волосы и глаза. Нелюдимая. Язвительная. Не любит пустых разговоров. Питает патологическое пристрастие к книгам».

По крайней мере, Луизу никто не мог упрекнуть в отсутствии толерантности, в особенности если принять во внимание, что семейный скандал включал расторжение ее помолвки с Джеймсом.

Поскольку любви между ней и Джеймсом не было, тот факт, что Джеймс нашел свою любовь и вторую половину в лице ее сводной сестры, не оставил, как пишут в романах, незаживающей раны в сердце Луизы. Но и мешать семейному счастью молодоженов, быть третьей лишней в их семейном гнездышке — не самое большое удовольствие. Приняв приглашение лорда Хавьера, Луиза не только давала возможность молодоженам пожить вдвоем, без посторонних, но и надеялась получить кое-какие бонусы для себя, дополнив собственное «библиографическое» описание еще несколькими пунктами.

Первое: добилась того, чтобы ее поцеловали.

Второе: нашла несколько новых интересных книг.

Третье: помирила Джеймса с Хавьером и убедила высший свет в том, что не лишена обаяния.

Четвертое: добилась того, чтобы ее поцеловали еще некоторое число раз.

Вот такой скромный подарок самой себе. До Рождества оставалось всего четыре дня, а там не за горами и Новый год — время перемен. По правде говоря, перемены надели уже давно.

— Ты покраснела, дитя мое, — заметила леди Ирвинг и строго спросила: — Ты ведь не думаешь ни о чем таком предосудительном?